

Антонова Елена Леонидовна, Туркина Виктория Григорьевна

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ДЕРЕВНИ И КУЛЬТУРЫ ГОРОДА КАК УСТОЙЧИВОЙ И НЕУСТОЙЧИВОЙ СИСТЕМ ПРОТИВОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНОМУ ХАОСУ

В статье рассматриваются культура деревни как устойчивая и культура города как неустойчивая системы противостояния социальному хаосу. Особое внимание уделяется культурной традиции. Как "программа социального поведения" культурная традиция выступала экзистенциальным основанием культуры деревни, "герметизирующим" ее "в самой себе". Именно "герметизация" придавала культуре деревни как самовоспроизводящейся системе, способной противостоять социальному хаосу, устойчивость, чем обеспечивала непрерывность ее "самосохранения".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 27-29. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 008

Культурология

В статье рассматриваются культура деревни как устойчивая и культура города как неустойчивая системы противостояния социальному хаосу. Особое внимание уделяется культурной традиции. Как «программа социального поведения» культурная традиция выступала экзистенциальным основанием культуры деревни, «герметизирующим» ее «в самой себе». Именно «герметизация» придавала культуре деревни как самовоспроизводящейся системе, способной противостоять социальному хаосу, устойчивость, чем обеспечивала непрерывность ее «самосохранения».

Ключевые слова и фразы: культура деревни и культура города; устойчивая и неустойчивая системы; социальный отбор; культурная традиция; крестьяноцентризм; этно- и социокоды; герметизация; социальный порядок и социальный хаос.

Елена Леонидовна Антонова, к. филос. н.

Виктория Григорьевна Туркина, к. филос. н., доцент

Кафедра теории и истории культуры

Белгородский государственный институт искусств и культуры

E-pi-fan@yandex.ru; Veni_vedi_vika@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ДЕРЕВНИ И КУЛЬТУРЫ ГОРОДА КАК УСТОЙЧИВОЙ И НЕУСТОЙЧИВОЙ СИСТЕМ ПРОТИВОСТОЯНИЯ СОЦИАЛЬНОМУ ХАОСУ[©]

По резонному замечанию И. Шафаревича, главными антагонистами в мировой истории выступали город и деревня, как «факты социума», представляющие разные культурно-исторические и социально-культурные типы. Поэтому концептуальная пара «деревенская культура - городская культура», помимо «масштабных» уровней, детерминирует не только «разнообразие» культурного ландшафта, но и «разнообразие» форм жизни культуры и способов освоения ландшафта в его «географическом» понимании.

Поскольку в историческом и социокультурном измерении город и деревня существуют как «параллельные общества», формирующие каждое «свой» культурный ландшафт, то для деревни город навсегда «остается местом, находящимся за границами опознаваемого культурного ландшафта, схожим образом выстраивается и отношение к деревне со стороны города» [2, с. 107]. Не удивительно, поэтому, что город, традиционно замкнутый на себе, рефлексировал только себя – свою «самость» – и не растрачивал силы на постижение «иного» – деревни, которая воспринималась им как часть природного ландшафта. Поэтому до самого XX ст. «жить в городе» для горожан означало «жить в обществе», тогда как «жить в деревне» значило «жить в природе».

Деревня также отгораживается от города: она бытует в созданной ею самой «культурно-информационной» среде и ориентируется исключительно на принятые в ней формы социальной жизни, нормы поведения и общения и нравственности как «этической ответственности». А так как внутренняя жизнь деревни (план содержания) и внешние ее проявления (план выражения) не всегда совпадали, – складывается устойчивая тенденция субъективной интерпретации смыслового содержания жизни и деятельности последней со стороны «города»¹. В итоге, история «деревни» – это не столько история ее взаимоотношений с «городом» (государством), сколько история отношения к ней «города» (государства).

Интерес представляет отношение к деревне со стороны европейского города, где каждое «сословное образование» (М. Шелер), по сути, представляло собой автономную, замкнутую субкультуру со своими – *узко словными* – культурными традициями и ценностями. По этой причине в европейской культуре не складываются, как в России, ни «общекультурная» традиция как механизм сохранения культурной идентичности, ни «вертикальная устремленность» [7, с. 46], свойственная культуре игнорируемой «деревни» и «насаждаемая» церковью. Взамен, начиная с эпохи Возрождения, в европейской культуре формируется «горизонтальная» – «репрессивно-дискурсивная» – система подавления «иного», выработанная субкультурами бюргерских «верхов», разорвавших всякую связь с «бытийной низовой средой» [9, с. 108], тонкими нитями связанной с культурой «деревни». «Городская» Европа, таким образом, сознательно «отказывается» от консолидирующего – «собирающего начала» культуры, без которого существование «деревни» было бы невозможно. Как результат, европейская культура, не основанная на «общекультурной» традиции (а значит – освобожденная от культурной преемственности²), «унифицируется» и идентифицируется исключительно по бюргерскому –

[©] Антонова Е. Л., Туркина В. Г., 2012

¹ Всю глубину непонимания и неприятия городом «деревни» можно рассмотреть в высказывании Т. Адорно, где речь идет о народных традициях: «Когда мы... слышим о существовании народных обычаев, сохранившихся до наших дней в отдаленных сельских уголках... можно с полным основанием говорить о том, что то ужасное, что свершилось при фашизме, в значительной мере представляло собой не что иное, как продолжение народных нравов» [1, с. 24].

² Прагматичная урбанизированная Европа осмысливала настоящее исключительно через «потребное будущее», что превращает ее историю в собрание «фрагментов», называемых «эпохами», парадигмы которых формировались путем «отрицания отрицания», т.к. ценностные ориентации общества «подгонялись» под требования переходного момента. И только «деревенская» культура, осмысливавшая настоящее через «прошлое», сохраняла культурную преемственность и неизменность ценностных ориентаций.

«мещанскому», «буржуазному»¹ – образцу, отчего жизнь «деревни» «изначально почти вовсе не отражается в социальной картине мира» [4, с. 521] европейского города, исключавшего саму возможность влияния деревни на культурно-исторический процесс. По сути, замкнув государственную идеологию на себе, город, по выражению Р. Редфилда, продолжает оставаться для деревни «другим измерением».

Сказанное позволяет понять, почему город и деревня как системы культуры формировались строго в соответствии с социальной структурой, особенностями внутренней организации, принципами управления, формами деятельности, утилитарно-духовными потребностями и способами обмена информацией, которые были свойственны каждой из них. Однако, исходя из понимания культуры как «сложно организован[ой] систем[ы] программ жизнедеятельности, поведения и общения, которая посредством *определенных кодов* закрепляет накопленный социально-исторический опыт» [8, с. 8], большинство исследователей изучает культуру деревни, получившую в XIX в. названия «традиционная» и «народная»², по аналогии с культурой города, без учета социально-культурной специфики, имманентно свойственной только последней.

Между тем, городской социум был разобщен по трем основным параметрам – социальному, экономическому и этническому, отчего в социально и этнически неоднородном пространстве городской среды каждая из этнических и социальных групп 1) функционировала в границах собственных этно- и социокодов, но и 2) «как правило, за местными элитами сохранялись их права и привилегии» [6, с. 129]. Именно поэтому экзистенциальным основанием культуры в городской среде выступала не традиция как социокультурное основание культурного консерватизма, а *социальный отбор*. Этот факт позволяет понять, почему культура города представляет собой неустойчивую систему, открытую для изменений («социального хаоса»), требующую постоянного обмена со средой «веществом, энергией и информацией» [3, с. 24]. Как результат, в неоднородной среде города социальный отбор выступал не только «побудительной силой, ответственной за самоорганизацию» [Там же], но «детектором» и «селектором», приводившими в движение механизм последовательного «чередования иерархизации (*социального порядка* – Е. А.) и деиерархизации (*социального хаоса* – Е. А.)» [Там же, с. 21]. Регулируемая социальным отбором культура города, по сути, представляет собой неустойчивую систему противостояния социального порядка социальному хаосу.

В культуре деревни, в отличие от культуры города, деревенский социум был однородным в социальном (все крестьяне), в «экономическом» (все с урожаем, либо без) и в этническом измерениях, что позволяло крестьянству «самоорганизовываться» на принципах общинного самоуправления – «демократии». Не удивительно, что возникшая на этой почве «культурная традиция», формировавшая самосознание деревенского социума и задававшая параметры социального поведения, ложится в основание культурного консерватизма деревни. «Культурная традиция», таким образом, становится экзистенциальным основанием культуры деревни, придававшим ее самоорганизующейся системе особую устойчивость – «культурный порядок», позволяющий адекватно «приспосабливаться к условиям природной и социальной среды» [5, с. 67]. Поскольку культурная традиция одновременно «герметизировала» социум, замыкая его на себе самом, и выступала как «программа социального поведения» – «социокод» [8, с. 8], то «признаки» последней можно отыскать во внебрядовом фольклоре³: в *былинах*, где воплощением «народной силы» выступает землепашец Микула Селянинович, а «главный богатырь» земли русской Илья Муромец – крестьянский сын, первый подвиг которого – вспаханное поле; в *сказках* («Жили-были старик со старухой. И было у них три сына. Старший – пахал поле, средний – сеял, а младший – на охоту ходил»); в *исторических песнях*, которые содержат образы крестьян как главных героев повествования – это образы крестьянина-пушкаря, взорвавшего стену казанского Кремля, «мужика-деревенщины», поборовшего непобедимого Кострюка, образы казаков – бывших крестьян из песен о Ермаке. А в песне о Казани на первый план выходят даже образы крестьян-инородцев – Рознеги Черемисянина и девушки-мордовки Саманьки, которая научила Грозного, как Казань взять (см.: работы Л. Н. Пушкирева и

¹ Французское слово «буржуа», так же как и немецкое – «бюргер», изначально имело значение «мещанин». С появлением «теории классовой борьбы», понятие «буржуа», выразившее *сословную принадлежность*, на уровне обыденного сознания сближается с понятием «буржуазия», обозначившим *классовую принадлежность* крупных промышленников, банкиров, предпринимателей и торговцев. Поэтому «буржуазный» – «мещанский» – «образ жизни», «образ мысли», выразившийся в стремлении «*вкусно поесть*» и «*мягко поспать*» как *смысле жизни*, становится на рубеже XIX–XX вв. «презрительно-ругательным». По сути, именно против буржуазной – мещанской – культурной традиции, с ее прагматизмом, накопительством ради накопительства, демонстрацией благосостояния и посещением церкви при полном отсутствии веры, и восстает Ницше. «Массовая культура», которую в «Закате Европы» так яростно критикует О. Шпенглер, рождается в европейской культуре конца XIX века как социальный протест, в XX столетии сначала осмысливается теоретиками (в философии – С. Сигиле, З. Фрейд – психоанализ, Г. Лебон, С. Московичи, В. Райх, Г. Гард, Э. Фромм – социальная психология, Х. Арендт, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс – философия жизни, экзистенциализм, Т. Адорно, Г. Маркузе – неомарксизм, Д. Белл, Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делез, Э. Тоффлер, М. Фуко, Шюц и др. – философия культуры и социальная футурология), а затем берется «под контроль» политиками с целью координировать стратегические и прогностические «умопостроения» общества с поправками «на массу».

² Признание «крестьянства не только основным, но и единственным, исключительным носителем традиционной народной культуры... в середине прошлого (XIX – Е. А.) столетия в России» адекватно отражало специфику социальной структуры русского общества всего дореволюционного периода [7, с. 16]. Поскольку, на самом деле, производство в России до первой четверти XX столетия было преимущественно аграрным, социальная структура – преимущественно крестьянской, а регулирование отношений (межличностных, социальных, производственных) – преимущественно обычно-правовым, то культура деревни как народная, основанная на традиции, становится синонимом традиционной культуры.

³ Будучи «каналом» ретрансляции «программ поведения и общения» как этно- и социокодов, фольклор осуществлял в народной среде функцию «*“программного”* и «*языкового”* обеспечения»; а как форма накопления и сохранения «социальной памяти» (социального опыта, интуитивного и практического знания) – функцию «*информационного обеспечения*».

В. К. Соколовой); *в пословицах и поговорках* («Боярство – холопство, крестьянство – господство», «Говорить – то дворянски, а слово держать – то крестьянски»); *в загадках, песнях* и даже *в жанрах детского фольклора*. Этот факт понимается как высшее проявление зрелости крестьянского самосознания, со всей очевидностью выразившейся в феномене «крестьяноцентризма», 1) препятствовавшего разрушению культуры деревни как самоорганизующейся системы под воздействием внешней (городской) социокультурной среды; 2) исключавшего чередование процессов иерархизации и деиерархизации, напрямую связанных в городской среде со сменой ценностно-мировоззренческих ориентаций под влиянием «полиэтничности» и «полисоциальности». Так как на базе социально-культурной однородности культура деревни становится средой формирования этничности¹ как «этнокода», то в социокультурном пространстве деревни последний налагался на «социокод», образуя устойчивую пару, скрепившую «культурный порядок» как культурную традицию, препятствовавшую возникновению социального хаоса. Вмещающая в себе социально-практический опыт и определяющая цель и смысл жизнедеятельности, «культурная традиция» обеспечивала сохранение идентичности крестьянства.

Иными словами, будучи носителем этно- и социокодов, обеспечивавших «герметизацию» культуры, «культурная традиция» выступала, с одной стороны, *побудительной силой* и *детектором*, обуславливавшими перманентное воспроизводство в культуре деревни заданной модели «внутренне[го] взаимодейств[ия] элементов социальной системы» [3, с. 6], с другой – как *селектор*², придававший культуре деревни как самоорганизующейся системе «максимальн[ую] устойчивост[ь] по отношению к возможным действиям со стороны окружающей среды» [Там же, с. 8], что препятствовало возникновению «социального хаоса». По сути, «культурная традиция» была на страже не только этносоциальной идентичности, но и обеспечивала непрерывность «самовоспроизводства» аутентичной культуры деревни, получившей статус «традиционной».

Таким образом, можно констатировать, что экзистенциальными основаниями культуры деревни и культуры города являются «культурная традиция» и социальный отбор, по-своему выполнявшие в устойчивой и неустойчивой системах последних регулирующую «функцию», направленную на поддержание социального порядка или не противостояния социальному хаосу. Представляется, что на основании сказанного следует выработать новые подходы к осмыслению культуры «деревни» и «города», требующие нового ценностно-методологического «отношения» к этим феноменам.

Список литературы

1. Адорно Т. Проблемы философии морали. М., 2000.
2. Богданов А. К. В поисках народности: свое как чужое // Богданов А. К. О Крокодилах в России: очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006.
3. Бранский В. П., Пожарский С. Д. Глобализация и синергетический историзм. СПб., 2004.
4. Гуревич А. Я. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: в 3-х т. М., 1985. Т. 1.
5. Давыдов Д. В. Некоторые особенности постройки и декорирования крестьянских жилищ в 1920-е годы // Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведения. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 67-70.
6. Красняков Н. И. Укрепление имперского государства в контексте его связи с этносами и территориями // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 127-130.
7. Рабинович М. Г. Город и традиционная культура // Советская этнография. 1980. № 4.
8. Самохвалова Т. А. Демократический тоталитаризм массовой культуры // Человек в контексте культуры: сб. науч. тр. / под ред. О. Ю. Марковой. СПб., 1998.
9. Степин В. С. Философия и универсалии культуры. СПб., 2000.
10. Шелер М. Проблемы социологии знания. М., 2011.
11. De Vos G., Romanussi-Ross L. Ethnicity: Vessel of Meaning and Emblem of Contrast // Ethnic Identity. Chicago – L., 1982.

EXISTENTIAL FOUNDATIONS OF VILLAGE CULTURE AND CITY CULTURE AS STABLE AND UNSTABLE SYSTEMS OF CONFRONTATION TO SOCIAL CHAOS

Elena Leonidovna Antonova, Ph. D. in Philosophy
 Viktoriya Grigor'evna Turkina, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
 Department of Culture Theory and History
 Belgorod State Institute of Culture and Arts
 E-pi-fun@yandex.ru; Veni_vedi_vika@mail.ru

The authors consider village culture and city culture as stable and unstable systems of the confrontation to social chaos, pay particular attention to cultural tradition, show that cultural tradition as “program of social behaviour” acts as the existential foundation of village culture “encapsulating” it “in itself”, and substantiate that it is the “encapsulating” that gives village culture, as the self-reproducing system that can withstand social chaos, resistance, and it ensures the continuity of its “self-preservation”.

Key words and phrases: village culture and city culture; stable and unstable systems; social selection; cultural tradition; peasant-centrism; ethnic and social codes; encapsulating; social order and social chaos.

¹ Этничность, как одна из характеристик межгруппового взаимодействия, представляет собой «форму идентификации, обращенную в прошлое и воплощенную в культурной традиции определенного индивида или группы» [11, р. 363].

² Отличительной чертой культуры деревни как традиционной (народной) выступает ориентация не на декларируемые извне, а на общепринятые в ее среде нормы социальной жизни, коллективное мнение и обычаи – традиции. Это в равной степени относится и к обрядовой форме их трансляции в рамках установок продуцирующей их социальной среды, что объясняет устойчивость мировоззрения, языковой картины мира (язык русского фольклора, на всех его уровнях, хранит множество древнерусских элементов) и ценностей в народной среде.